

НИЛ ГЕЙМАН
и
ЭЛ САРРАТОНИО

ВСЕ НОВЫЕ СКАЗКИ

НИЛА ГЕЙМАН и ЭЛ САФРАНОНУ

СОСТАВИТЕЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111 (73)
ББК 84 (7Сое)
В84

Перевод с английского

Все новые сказки: [сборник: пер. с англ.] / сост.
В84 Нил Гейман, Эл Саррантонио. — Москва:
Издательство АСТ, 2016. — 640 с.

ISBN 978-5-17-077659-7

Это не добрые рождественские сказки, которые так хорошо читать детям на ночь.

Это страшные истории о тьме, которая стоит за порогом и ждет, когда ты сделаешь один неверный шаг, о странных и жутких существах, которые бродят за окном и иногда заглядывают по твою душу.

Нил Гейман и Эл Саррантонио собрали лучшие рассказы в жанре хоррор и саспенс, написанные признанными мастерами американской прозы (Чак Паланик, Майкл Муркок, Уолтер Мосли, Майкл Суэнвик...). Перед вами — коллекция умных, тонких, изысканно интеллектуальных, захватывающих и по-настоящему страшных историй: дверь, через которую Бездна всматривается в человека.

УДК 821.111 (73)
ББК 84 (7Сое)

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

© Силакова С., Тогобецкая М., Мартинкевич Е.,
Глезерова М., Казакова Н., Мельниченко М.,
Осокин А., перевод
© ООО «Издательство Астрель»

Эта книга — результат игры воображения.

Герои, характеры, события и диалоги целиком остаются на совести авторов, их не следует воспринимать как реальные.

И потому любое совпадение с действительными событиями и людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

*Всем рассказчикам и иллюзионистам, которые,
развлекая публику, всегда с нами:*

Александрю Дюма и Чарльзу Диккенсу, Марку Твену
и баронессе Орци¹, и наконец, даже больше,
чем остальным — Шехерезаде, которая сама была
и рассказчиком, и историей.

*Наша горячая благодарность Дженнифер Брел
и Меррили Хейфец, рулившим этой длинной лодкой
и благополучно доставившим нас на берег.*

ВСЕГО ЧЕТЫРЕ СЛОВА

Однажды мы с Элом Саррантонио разговорились о сборниках. Незадолго до того Эл издал две антологии — современного хоррора и фэнтези, исчерпывающе полных. В разговоре выяснилось, что у нас есть кое-что общее: история — вот что мы надеемся найти в каждой книге — и чего нам не хватало, когда хотелось почитать, — это захватывающих историй, от которых невозможно оторваться. Ну и конечно, истории должны быть хорошо написаны (к чему довольствоваться меньшим?). Но и этого недостаточно. Нам хотелось таких историй, которые, словно вспышка молнии, преображали бы тысячу раз виденное, делая мир неузнаваемым. По правде говоря, лучше, чтобы в них было все сразу.

И пусть медленно, наше желание начало сбываться...

Ребенком я вечно просил рассказать мне сказку. Взрослые сочиняли что-нибудь на ходу или читали мне книжки. Как только вырос и научился читать, я уже не расставался с книгами. Я читал по книге в день, а то и быстрее. Как и сейчас, я искал в них переживания, которые дает только художественная литература, — то есть возможность оказаться внутри историй.

STORIES edited by Neil Gaiman and Al Sarrantonio Copyright © 2010 by Neil Gaiman and Al Sarrantonio. Introduction by Neil Gaiman and Al Sarrantonio.
Copyright © 2010 by Neil Gaiman and Al Sarrantonio.

Телевидение, кино — все это было неплохо, но происходило с кем-то еще. А книжные истории разыгрывались в моей собственной голове. Я в каком-то смысле сам переносился туда.

Вот в чем заключается магия литературы: ты берешь слова и выстраиваешь из них миры.

Со временем я стал разборчивее в чтении (помню, как впервые решил, что не обязан дочитывать книгу до конца; именно тогда я понял: от того, как история рассказана, может испортиться впечатление, которое она производит). Я начал замечать, что иногда то, ради чего я читаю книги — некая магия, движущая сила рассказа, — оказывается за бортом. Я читал безупречную прозу, оставаясь равнодушным к описанным в ней историям.

Все сводится к четырем словам.

Есть люди, которые читают только нехудожественную литературу: например, биографии и книги о путешествиях. Или такие, кто предпочитает исключительно поэзию. Есть те, кто ищет в книгах советы: как изменить к лучшему свою судьбу или самих себя, как выжить в грядущем финансовом кризисе, обрести уверенность, научиться играть в покер или склотить улей. Меня можно иногда застать за чтением книг по пчеловодству, и, поскольку сам занимаюсь беллетристикой, я с удовольствием читаю о необычных реальных событиях. Но что бы ни читали, все мы — члены сообщества любителей историй.

Впрочем, есть, конечно, и те, кто совсем не читает. Я был знаком с одним девяностолетним стариком, который, узнав, что я писатель, заявил, что когда-то, задолго до моего рождения, попробовал прочесть одну книгу, но не нашел в ней никакого смысла и больше читать не пытался. Я спросил, помнит ли он, как книга называлась, и он ответил, что все они похожи одна на другую, —

совсем как человек, который, однажды попробовав улитку, долго плевался, и ему ни к чему было запоминать, как та улитка называлась.

И все же. Четыре слова.

Я окончательно осознал это всего пару дней назад, когда увидел в моем блоге такой комментарий:

Дорогой Нил!

Если бы Вы могли выбрать цитату — свою или другого писателя, — чтобы повесить на стене детской библиотеки, что бы это было?

Спасибо!

Линн

Я задумался. За прошедшие годы я успел многое сказать о книгах и о детях, а кое-кому удалось выразиться более метко и мудро, чем это вышло у меня. Наконец меня осенило, и вот что я ответил:

Вряд ли я стал бы развешивать цитаты, даже если бы мне дали испортить библиотечную стену. Думаю, я просто напомнил бы людям о том, как важны истории, ради которых пишутся книги. Я написал бы четыре слова, которые хочет услышать любой рассказчик. Слова, которые подтверждают — да, история интересная, и ее будут читать: «...А что было потом?»

Эти слова произносят дети, когда, рассказывая, вы вдруг замолкаете. Услышав эти слова, рассказчик понимает, что слушателям не все равно.

Для многих из нас радость, которую приносит книга, — это радость полета не скованного реальностью воображения.

Из разговора с Элом Саррантонио я понял, что не только меня все больше раздражают жанровые ограничения. Почему категории, придуманные лишь для того, чтобы

люди не терялись в книжных магазинах, стали определять, как и о чем следует писать? Например, я очень люблю слово «фэнтези» за безграничную свободу писательского воображения: это своего рода гигантская игровая комната, пределы которой определяет только наша фантазия. Но коммерческое фэнтези, хорошо это или плохо, как правило, влечется по старым колеям, проложенным еще Дж. Р. Р. Толкиеном и Р. Говардом², оставляя позади целый мир не востребуемых историй. И только фантастика подразумевает свободный полет воображения, выход за рамки жанра, — все то, что ищем мы с Элом.

Нам показалось, что фантастика может и должна быть способна на большее: высвечивать реальность, исказить ее, рядить в новые одежды или прятать. Показывать знакомый мир с такой стороны, будто вы никогда его толком не видели, не рассмотрели. Г. К. Честертон сравнивал произведения фантастики с поездкой в отпуск: самый главный момент — это возвращение, когда ты вдруг словно впервые видишь собственный дом.

Итак, мистер Саррантонио и я бросили ключ, и к нам отовсюду устремились истории. Писатели приняли вызов, и мы очень скоро привыкли ожидать неожиданного.

Хм, а что было потом?..

Волшебство этого маленького заклинания заключается в том, что оно вызвало к жизни сотни миллионов слов, превратило людей, никогда не помышлявших о ремесле рассказчика, в сказочников, которые дадут фору самой Шехерезаде или Джозефу Джоркенсу из книг Дансени³. Стоит перелистнуть страницу, и начнется приключение.

Так перелистните ее. Там, на ступеньках, вас ждут...

Нил Гейман

Перевод Екатерины Мартинкевич

РОДДИ ДОЙЛ КРОВЬ

Он вырос в городе Дракулы. Каждый день ходил в школу мимо дома Брэма Стокера⁴. Но относился к этому факту равнодушно. Хоть бы раз что почувствовал — но нет, в дрожь не бросало, призрачная рука не хватала за воротник, в шею никто не целовал. Собственно, даже мемориальную доску он заметил только на восемнадцатом году жизни, когда уже заканчивал школу. Книжку он никогда не читал и вряд ли прочтет. На «Дракуле» Копполы⁵ задремал. Слышал сквозь сон, как жена вскрикивает, чувствовал, как она испуганно стискивает его коленку... Вот опять стиснула. Оказалось, пытается разбудить, свет в зале уже горит. Жена сердится:

— Как ты мог?

— В смысле?

— Вырубиться на таком фильме!

— Я всегда вырубаясь, если фильм хреновый.

— У нас романтический вечер, между прочим.

— Да, верно, — сказал он. — Тогда да, прости. Кстати, чем кончилось?

— Иди ты в задницу! — сказала она с нежностью.

«Blood» by Roddy Doyle. Copyright © 2010 by Roddy Doyle

РОДДИ ДОЙЛ

В Дублине принято выражать нежность, ругаясь последними словами.

Короче, вся эта тема, эта история с Дракулой для него ровно ничего не значила. И все же ему захотелось крови.

Захотелось отчаянно.

«Отчаянно» — это с недавних пор. Недавняя, ненавидимая перемена. Хочется пить и пить кровь, жажда нестерпимая... Вот мерзость.

Когда это началось, он сам не знал. Но точно помнил, когда именно *осознал* свою жажду.

— Тебе какой стейк, прожаренный, не очень?

— Мне? Сырой.

Жена рассмеялась. Но он сказал чистую правду. Ему хотелось именно тот кусок мяса, который она держала над сковородкой! Вот этот, сырой, немедленно!.. К черту сковородку, зачем портить продукт? Он почувствовал, как борются между собой мышцы его тела, мускулы шеи, мускулы челюстей: одни старались его удержать, другие за него вступились.

И тут он проснулся.

Но нет, он давно не спит: он стоит на кухне, уставившись на стейк, пожирая его глазами.

— Поджарь совсем чуть-чуть, — сказал он.

Она улыбнулась:

— Ты у меня дикарь.

Через несколько минут он воспользовался ее словами как лазейкой (мол, спокойно, я просто прикалываюсь, такой уж уродился), наклонился к обугленному мясу на своей тарелке и облизал его. Дети вздумали проделать то же самое, и вся компания перемазала носы бурным соусом. Он заставил себя забыть, что у него ломит челюсти, подавил в себе рык, желание кусаться. После ужина все уселись смотреть кино на диске. В общем, чудесный вечер. Честно-честно, все шло хорошо. Жизнь текла в нормальном

КРОВЬ

русле. Какое-то время. Довольно долго. Несколько недель, как ему показалось. Однажды он заглянул в холодильник. На тарелке лежали два стейка из филейной части. Дожидались его. Да, наверное, прошло несколько недель, ведь Вера — жена — покупала стейки не так уж часто. Не то чтобы Вера закупала все или большую часть продуктов одна — просто возле мясной лавки она оказывалась чаще. Она покупала еду, он — вино. Она покупала мыло и туалетную бумагу. А он — вино. «Ты у меня дикарь».

Он схватил один стейк, отошел к мойке. Оглянулся через плечо — все нормально, никого — и сожрал стейк, наклонившись над мойкой. Нет, не сожрал. Сперва облизал, словно эскимо: холодный. Услышал, как зацокали по алюминию капли крови, почувствовал, как кровь сбегает по подбородку. Такое ощущение, будто это у него течет кровь. Он начал торопливо высасывать, пить. Не то: кровь должна быть теплой, сказал он себе. И страшно возненавидел себя за эту придирку: во даешь, сам себе ломаешь кайф, ищешь предлог снова... снова проделать... это... допустим, удовлетворить потребность, избежать ломки... так-так, значит, у него внезапно появилась зависимость от крови, а он и ухом не ведет, словно так и надо. Он зарычал — рыкнул как следует, мало не покажется. Оглянулся через плечо. Впрочем, теперь уже все пофиг. «Ты у меня дикарь». Он жевал мясо, пока оно не перестало быть мясом. Все, что осталось, выплюнул в мусорное ведро. Обгтер подбородок, вымыл руки. Осмотрел рубашку: чистая. Пустил горячую воду, понаблюдал, как черные капли краснеют, розовеют, пропадают совсем. Взял из холодильника тарелку со вторым стейком, спихнул его в ведро. Завязал пакет, направленный в ведро, достал, вынес на помойку.

— Где ужин? — спросила Вера.

— Что?